

МЫ НЕ ВСТРЕЧА-
ЛИСЬ пять лет, но он совсем не изменился. То же красивое, мужественное лицо, тот же добрый, открытый взгляд. Разве что похудел очень.

— В тюрьме не располнеешь, — с улыбкой поясняет Дин Рид, — а я приехал в Москву прямо из камеры аргентинской тюрьмы. Двадцать дней видел небо в клеточку оконной решетки.

Дело в том, что я оказался единственным североамериканцем, которому режим аргентинских «горилл» запретил въезд в страну. Причем безо всяких объяснений и обвинений. Вот мне и захотелось высунуть конкретно, в чем же меня обвиняют. Нелегально приехал в Буэнос-Айрес, созвал журналистов на пресс-конференцию. Полиция отвезла меня в тюрьму, опять-таки не предъявив никаких обвинений.

В Аргентине существует закон, по которому человека, подозреваемого в причастности к коммунистическому движению, могут посадить на десять лет. И, честно говоря, я думал, что не избежу этой участи. Но начались молодежные демонстрации протеста, вмешалась пресса. И на двадцатый день те же полицейские отвезли меня на аэродром и выслали из страны. Так и не удалось мне выяснить свои отношения с аргентинскими генералами.

И как это чудесно быть снова в Москве, бродить по ее улицам, встречаться с москвичами и дышать, глубоко дышать воздухом свободы!

— Дин, скажите, пожалуйста, какие основные события произошли в вашей жизни в последние годы?

— Главное для меня — это Чили. Приход к власти народного правительства Сальвадора Альенде. Ведь именно в этой стране много лет назад я понял, что такое американский империализм. Там я впервые увидел, что такое настоящая бедность. Не подумайте, пожалуйста, что бедные люди не попадались мне дома. Я видел их, но здесь нищета, отчаяние людей особенно бросались в глаза. Изможденные рабочие с медных рудников, рахитичные дети. И впервые в жизни я тогда подумал: почему одни имеют все, а другие — ничего? И впервые в жизни понял, что это мы, американцы, вернее, наши монополии безжалостно грабят другие народы. Здесь, в Чили, произошло перерождение модного певца рок-н-ролла в человека, которому стали ненавистны социальное угнетение, захватническая война и человеческая нищета.

Вместе с другими сторонниками Сальвадора Альенде в прошлом году в меру сил и возможностей я принимал уча-

ПУСТЬ ВСЕГДА БУДЕТ СОЛНЦЕ!

стие в избирательной кампании. Пел и выступал перед молодежью, ездил в маленькие города и деревушки.

После победы народа мне вновь посчастливилось быть в Чили, на этот раз по личному приглашению Сальвадора Альенде. Четыре месяца мы с друзьями разъезжали по стране, разъясняли политику правительства и снимали фильм о грандиозных революционных преобразованиях. Фильм показывали потом по телевидению многих стран Латинской Америки. Привез я его и в Советский Союз.

И второе главное событие в моей жизни — рождение дочери, которая носит имя Гевара. В честь Че.

— А домой, в Штаты, вы больше ни разу не возвращались?

— Нет, не так давно я ездил в США и провел там два месяца. В стране, на мой взгляд, произошли любопытные изменения: как резко отрицательные, так и положительные. К отрицательным относится принятие законов, направленных на борьбу с инакомыслящими, с недовольными политикой правительства как внешней, так и внутренней. Я говорю, например, о федеральном законе, по которому правительственные чиновники могут вскрывать любое письмо, полученное «свободным» гражданином Соединенных Штатов из-за границы. Отныне ФБР имеет право читать любую частную корреспонденцию.

И это вопиющее нарушение конституции протаскивается через конгресс под самым благоприятным видом — борьбы с распространением порнографии. Хотя, мне кажется, никто еще в мире не превзошел США в пропаганде скабрзностей.

Другой закон пока не стал федеральным. Его принял конгресс штата Колорадо. Но боюсь, что и другие штаты возьмут его на вооружение. Это так называемое «право входа без стука». То есть полиция может теперь врываться в любой дом, в любую квартиру без предупреждения, даже без формального разрешения судебных органов. И опять-таки под самым благоприятным и на первый взгляд гуманным пред-

логом борьбы с преступностью, с наркоманией. Мол, если полиция будет вламываться без стука, торговцы наркотиками не успеют спрятать свой товар. Только торговля наркотиками по-прежнему процветает, а закон используется против «черных пантер», коммунистов, борцов за мир во Вьетнаме. Вот такие перемены встретил я в самой «свободной» стране самого «свободного» мира.

Но я увидел, как сквозь стусившиеся тучи реакции над Америкой пробиваются алые зори рассвета. Десять лет назад, в ту пору, когда наступило мое собственное прозрение, молодежь Штатов мало интересовалась политикой. Сейчас не то. Сейчас университеты и колледжи — это вулканы, которые все время извергают лаву протеста. Молодежь задумалась: почему ты такая, Америка? Куда ты идешь? И задумалась серьезно. Я видел у многих ребят на груди значки с портретами Маркса, Ленина, Грамши, Че Гевары. А это уже совсем необычно для Америки.

— Пять лет — срок большой в жизни артиста. Что удалось вам сделать за это время как певцу, киноактеру?

— Увы, не так уж много настоящего. За пять лет снялся в Италии в одиннадцати типичных коммерческих фильмах. Хотя, конечно, есть у меня и любимые роли, и затаенные желания. Очень хотелось бы сыграть своего однофамильца Джона Рида. Но, увы, я узнал, что Сергей Бондарчук уже собирается ставить фильм о нем и на роль Рида приглашен другой актер. Но все равно мечтаю сыграть вместе с советскими друзьями.

— Дин, а как дружба с песней? Вы по-прежнему с ней наперевес или поменяли оружие?

— Песня всегда со мной. Вот и сейчас я приехал в СССР с совершенно новой программой. Буду выступать в Москве, Ленинграде, Тбилиси, Новосибирске. Какие песни в моем багаже? Разные. О социальной несправедливости и любви к девушке, о стремлении к миру и о своей дочери. Меня иногда спрашивают: «Дин, что ты сегодня будешь петь: песни протеста или о любви?». И каждый раз я удивляюсь. Ведь если ты поешь о несправедливой войне во Вьетнаме, значит ты поешь и о любви к миру. Если о любви к дочери, значит страстно желаешь, чтобы нигде в мире не полыхал огонь войны.

...Дин взял гитару и весело, по-русски начал петь: «Пусть всегда будет солнце, пусть всегда будет небо...».

— Вот главная песня моих концертов.

В. ДРАННИКОВ.

МАШИНА ПРАВА
8 АВГ 1971
Г. МОСКВА